

Советское руководство и проблема границ и сферы влияния СССР в 1941–1946 гг.

М. М. Наринский*

Уже в 1930-е годы советское руководство все более явно отказывалось от курса на мировую революцию, а его внешняя политика все более заметно ориентировалась на национально-государственные и геополитические интересы именно СССР. 7 ноября 1937 г. И. В. Сталин заявил во время обеда у К. Е. Ворошилова по случаю годовщины Октябрьской революции: «Хочу сказать несколько слов, может быть, не праздничных. Русские цари сделали много плохого. Они грабили и поработали народ. Они вели войны и захватывали территории в интересах помещиков. Но они сделали **одно хорошее** дело — сколотили **огромное государство** — до Камчатки. Мы получили в наследство это государство. И впервые мы, большевики, сплотили и укрепили это государство как **единое, неделимое** государство не в интересах помещиков и капиталистов, а в пользу трудящихся, всех народов, составляющих это государство»¹.

Сталин последовательно проводил линию на укрепление этого государства и его институтов. По мнению Сталина, внешнеполитические и военные акции Советского Союза и были его вкладом в развитие мировой революции. Не случайно, 21 января 1940 г. он сказал в комнате для Политбюро Большого театра: «Мировая революция как единый акт — это глупость. Она происходит в разное время в разных странах. Действия Красной Армии — это также дело мировой революции»². В таком дискурсе Сталин подходил и к проблеме советских границ. При этом граница стала важнейшим органом **советского государства**.

Конечно, подобный подход не снимал противоречий между социализмом и капитализмом в представлениях советских руководителей, не отменял противостояние империализму. Но само это противостояние стало рассматриваться в первую очередь

с геополитической точки зрения. Поэтому на первый план в годы войны выдвигалась проблема безопасности Советского Союза. К тому же необходимо учитывать и психологический аспект. После агрессии нацистской Германии у Сталина возник «синдром 22 июня», стремление использовать все возможные средства, чтобы не допустить повторения ситуации июня 1941 г., чтобы предотвратить возможность внезапного нападения на СССР.

При этом безопасность Советского Союза связывалась с его территориальным расширением, с приобретением выгодных границ и прикрывающего страну пояса безопасности. Опытный дипломат М. М. Литвинов в июне 1946 г. отмечал: «Сейчас СССР вернулся к старомодной концепции географической безопасности — чем больше территории вы получите, тем больше будет ваша безопасность»³. Это же, по сути, подтверждал и последовательный недоброжелатель Литвинова нарком В. М. Молотов. Он вспоминал период завершения Второй мировой войны: «А то, что мы сделали в результате этой войны, я считаю, сделали прекрасно, укрепили Советское государство. Это была моя главная задача»⁴.

В первый период Второй мировой войны, во время сотрудничества СССР с нацистской Германией, советское руководство к июню 1941 г. добилось включения в состав Советского Союза восточной части Польши (Западной Белоруссии и Западной Украины), Эстонии, Латвии, Литвы, Бессарабии и Северной Буковины, а также изменения в свою пользу границы с Финляндией.

Главные условия обеспечения безопасности СССР после войны были сформулированы И. Сталиным в ходе его беседы с британским министром иностранных дел А. Иденом 16 декабря 1941 года. Сталин заявил: «**Советский Союз** считает необходимым восстановление своих границ, как они были

* **Михаил Матвеевич Наринский** — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории международных отношений и внешней политики России МГИМО (У) МИД России.

в 1941 г., накануне нападения Германии на СССР. Это включает советско-финскую границу, установленную по мирному договору между СССР и Финляндией 1940 г., Прибалтийские республики, Бессарабию и Северную Буковину. Что касается границы СССР с Польшей, то она, как уже было сказано выше, в общем и целом могла бы идти по «линии Керзона»^{*} и с включением Тильзита в состав Литовской республики. Кроме того, Советский Союз, сделавший в 1940 г. подарок Финляндии в виде возвращения Петсамо, считал бы необходимым, ввиду позиции, занятой Финляндией в нынешней войне, вернуть себе этот подарок»⁵.

Принципиальные установки советской внешней политики относительно основ будущего мира были изложены в записке заместителя наркома И. М. Майского, представленной наркому В. М. Молотову в январе 1944 года. Майский так излагал свои соображения: «Общая установка: **необходимо обеспечить СССР мир в Европе и Азии сроком на 30–50 лет.** В этих видах СССР должен выйти из нынешней войны с **выгодными стратегическими границами**, в основу которых должны лечь границы 1941 года. Сверх того было бы очень важно, чтобы к СССР перешли Петсамо, Южный Сахалин и цепь Курильских островов. СССР и Чехословакия должны иметь общую границу. Между СССР, с одной стороны, Финляндией и Румынией, с другой, должны быть заключены пакты о взаимопомощи с предоставлением на территории названных стран военных, воздушных и морских баз. СССР должно быть гарантировано свободное и удобное использование транзитных путей через Иран к Персидскому заливу»⁶. Таким образом, выгодные стратегические границы означали закрепление за Советским Союзом его территориальных приобретений за время войны: включение в его состав республик Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии, Бессарабии и Северной Буковины, пересмотр в пользу СССР границы с Финляндией, а на Дальнем Востоке — с Японией.

Осуществляя это территориальное расширение, Сталин действительно выступал как наследник русских царей, создавших громадную империю. Французский дипломат Морис Дежан отмечал в «Записке о советской политике» в октябре 1943 года: «В территориальном плане СССР в принципе стремится вернуть себе территории, которые были отторгнуты от России после Первой мировой войны в условиях состояния слабости, в котором она тогда находилась. В частности, это относится к прибалтийским государствам и к Бессарабии, при этом проблема стоит несколько иным образом в отношении российско-польской границы и Финляндии»⁷. Тем самым Сталин хотел сделать важный шаг к возрождению великой империи.

В ходе дискуссий с западными союзниками во время войны И. Сталин ссылаясь на то, что государства Прибалтики уже были включены в состав СССР и их население уже «одобрило» эти акции. В ходе беседы с Иденом 17 декабря 1941 г. кремлевский диктатор доказывал: «В соответствии с Конституцией СССР три балтийских государства составляют часть его. Это является результатом проведения в них плебисцита, во время которого огромное большинство населения высказалось в пользу вступления в Советский Союз»⁸. Лицемерные ссылки на волю народов прибалтийских государств были любимыми аргументами Сталина в его дискуссиях с западными лидерами. Во время беседы с президентом Ф. Рузвельтом 1 декабря 1943 г. в Тегеране Сталин говорил: «Литва, Латвия, Эстония не имели автономии до революции в России. Царь был тогда в союзе с Соединенными Штатами и Англией, и никто не ставил вопроса о выводе этих стран из состава России. Почему этот вопрос ставится теперь?... Что касается волеизъявления народов Литвы, Латвии и Эстонии, то у нас будет немало случаев дать народам этих республик возможность выразить свою волю»⁹.

Одним из наиболее сильных аргументов Сталина было напоминание о том, что именно на плечах Советского Союза лежала «главная тяжесть войны»¹⁰. Вождь отстаивал желаемые территориальные приобретения, используя жертвы, страдания и стойкость советского народа.

В контексте расширения советских границ И. Сталин, когда это было ему выгодно, обращался и к этническому фактору. В особенности это относилось к советско-польской границе. Советский лидер неизменно подчеркивал, что он готов взять за основу будущей границы СССР с Польшей «линию Керзона». Таково было условное наименование линии, рекомендованной 8 декабря 1919 г. Верховным советом союзных держав в качестве восточной границы Польши. При выработке «линии Керзона» в основу было положено решение делегаций ведущих держав Антанты, считавших целесообразным включить в состав территории Польши только этнографически польские области. В ходе советско-польской войны, когда Польша оказалась на грани поражения, ее представители согласились признать восточной границей страны линию, предложенную Верховным советом Антанты. 12 июля 1920 г. британский министр иностранных дел Керзон направил советскому правительству ноту, в которой в качестве восточной границы Польши намечалась эта согласованная державами Антанты линия, получившая наименование «линия Керзона». В ноте Керзона говорилось: «Линия эта приблизительно проходит так: Гродно — Яловка — Немиров — Брест-Литовск — Дорогуск — Устилут, восточнее Грубешова, через Крылов и далее западнее

* Линия Керзона — условное наименование линии, рекомендованной в декабре 1919 года Верховным советом Антанты в качестве восточной границы Польши.

Равы-Русской, восточнее Перемышля до Карпат». Однако по Рижскому мирному договору 1921 г., заключенному в неблагоприятной для Советской России ситуации, граница между РСФСР и Польшей прошла значительно восточнее «линии Керзона». Положение резко изменилось в 1939 году. В соответствии с советско-германскими договоренностями Польша после своего поражения перестала существовать как независимое государство, а граница Советского Союза была сдвинута западнее «линии Керзона».

В ходе переговоров с союзниками по Антигитлеровской коалиции советские руководители неизменно придерживались «линии Керзона» как основы для будущей советско-польской границы. Тем самым они проявляли умеренность и принимали британское предложение 1920 года. Так, во время беседы с А. Иденом 21 мая 1942 г. В. Молотов подчеркнул, что советское руководство «готово подписать с поляками договор о границе на основе линии Керзона с некоторыми небольшими изменениями этой линии в пользу СССР. Мы готовы принять это старое английское предложение о советско-польской границе»¹¹. Позднее, на Ялтинской конференции в феврале 1945 года, Сталин красноречиво отстаивал предложенную им границу по «линии Керзона». «Прежде всего, о линии Керзона, — говорил советский лидер. — Он, Сталин, должен заметить, что линия Керзона придумана не русскими. Авторами линии Керзона являются Керзон, Клемансо и американцы, участвовавшие в Парижской конференции 1919 года. Русских не было на этой конференции. Линия Керзона была принята на базе этнографических данных вопреки воле русских. Ленин не был согласен с этой линией. Он не хотел отдавать Польше Белосток и Белостокскую область, которые в соответствии с линией Керзона должны были отойти к Польше. Советское правительство уже отступило от линии Ленина. Что же вы хотите, чтобы мы были менее русскими, чем Керзон и Клемансо? Этак вы доведете нас до позора. Что скажут украинцы, если мы примем ваше предложение? Они, пожалуй, скажут, что Сталин и Молотов оказались менее надежными защитниками русских и украинцев, чем Керзон и Клемансо»¹². Сталин умело использовал в обсуждениях линии будущей границы СССР с Польшей ссылки на этнический фактор. На одном из заседаний Тегеранской конференции он отметил: «Речь идет о том, что украинские земли должны отойти к Украине, а белорусские — к Белоруссии, то есть между нами и Польшей должна существовать граница 1939 года, установленная советской конституцией. Советское правительство стоит на этой точке зрения и считает это правильным»¹³.

В результате длительных напряженных дискуссий советско-польская граница в августе 1945 года была окончательно определена в основном по «линии Керзона» с отступлениями в пользу Польши на 5–8 километров.

Общий подход И. Сталина к вопросу о советских границах был сформулирован им в телеграмме В. Молотову в Лондон 24 мая 1942 года. Оценивая британский проект двустороннего англо-советского договора, Сталин отмечал: «Там нет вопроса о безопасности границ, но это, пожалуй, неплохо, так как у нас остаются руки свободными. Вопрос о границах, или скорее о гарантиях безопасности наших границ на том или ином участке нашей страны, будем решать силой»¹⁴.

Понятие «выгодные стратегические границы» включало обладание удобными выходами к морям и океанам. Не случайно Сталин настойчиво добивался передачи Финляндией Советскому Союзу района Петсамо — это означало получение незамерзающего порта на севере. И. Майский в своей записке от 11 января 1944 г. отмечал: «Район Петсамо должен быть включен в состав СССР»¹⁵.

Не менее энергично Сталин выступал за укрепление позиций СССР на Балтике. При обсуждении в Тегеране вопроса о границах Польши и включении в ее состав Восточной Пруссии советский лидер жестко заявил: «Русские не имеют незамерзающих портов на Балтийском море. Поэтому русским нужны были бы незамерзающие порты Кенигсберг и Мемель и соответствующая часть территории Восточной Пруссии. Тем более что исторически — это исконные славянские земли»¹⁶. Включение в состав СССР части Восточной Пруссии с городом Кенигсбергом призвано было обеспечить Советскому Союзу выгодное положение на Балтике. Нарком военно-морского флота Н. Г. Кузнецов писал заместителю наркома иностранных дел М. М. Литвинову в октябре 1944 г.: «Учитывая необходимость создания нашего прочного контроля в южной части Балтийского моря, народный комиссариат военно-морского флота вносит на рассмотрение возглавляемой Вами правительственной комиссии (речь идет о комиссии по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства при НКВД СССР. — М. Н.) следующие предложения:

1. Исключить из состава государственной территории Германии Восточную Пруссию, разделив ее между Союзом ССР и Польшей.
2. Включить в состав государственной территории Союза ССР побережье Балтийского моря с портами Кенигсберг, Пиллау и Эльбинг, расположенными с восточной части Данцигской бухты. Западное побережье Данцигской бухты передать Польше.
3. Нарезку сухопутной границы между Союзом ССР и Польшей произвести с учетом экономических и военно-стратегических факторов»¹⁷.

Изложенные предложения советская дипломатия отстаивала на завершающем этапе войны. Они и легли в основу решений Потсдамской конференции о городе Кенигсберге и прилегающем к нему районе.

Гарантии безопасности Советского Союза, по замыслу Кремля, должны были включать также по-

границный пояс дружественных СССР государств. В ходе беседы с У. Черчиллем 21 мая 1942 г. В. Молотов отмечал: «С другой стороны, именно ввиду того, что нам навязана эта тяжелая война, восстановления нарушенных границ недостаточно. Мы хотим, чтобы безопасность СССР на северо-западе и на юго-западе от его границ была бы минимально гарантирована на будущее время»¹⁸.

Как же представляли советские руководители эти послевоенные гарантии безопасности? И. Сталин изложил свои соображения по этому вопросу во время первой беседы с А. Иденом в Москве 16 декабря 1941 года. Глава советского правительства говорил: «Советский Союз хотел бы, чтобы Румыния имела военный союз с СССР с правом для последнего иметь на румынской территории свои военные, воздушные и морские базы... На севере такого же рода отношения Советский Союз хотел бы иметь с Финляндией, т. е. Финляндия должна была бы состоять в военном союзе с СССР с правом последнего иметь на финской территории свои военные, воздушные и морские базы»¹⁹. В записке И. Майского от 11 января 1944 года также подчеркивалась важность послевоенных отношений Советского Союза с Финляндией и Румынией: «Между СССР, с одной стороны, Финляндией и Румынией, с другой, должны быть заключены на длительный срок пакты взаимопомощи с предоставлением СССР на территории названных стран необходимого количества баз — военных, воздушных и морских. Кроме того, СССР должен быть связан с Финляндией и Румынией системой железных и шоссейных дорог, важных стратегически и экономически»²⁰.

Советские претензии на создание приграничного пояса безопасности подкреплялись тем соотношением сил в Европе, которое сложилось к концу войны. Французский дипломат Морис Дежан писал в октябре 1943 года: «Территории, на которые нацелены советские устремления, можно разделить на две категории: те, в которых ангlosаксы не располагают никакими средствами воздействия; и те, в которых они уже задействовали или могли бы задействовать существенные силы. В первую категорию входят Финляндия, балтийские государства, Польша и в меньшей степени Румыния»²¹.

Обеспечение советской системы безопасности после войны мыслилось как система концентрических окружностей: выгодные для Советского Союза границы, пояс безопасности СССР и, наконец, сфера интересов, в которой Москва могла бы ограничить нежелательную активность потенциально враждебных государств.

Концепция этой широкой сферы влияния, опиравшейся на выгодные границы, была изложена заместителем наркома М. М. Литвиновым в его записке «О перспективах и возможной базе советско-британского сотрудничества» в ноябре 1944 года. Он писал о возможном соглашении с Англией: «Такое согла-

шение же осуществимо лишь на базе полюбовного разграничения сфер безопасности в Европе по принципу ближайшего соседства. Своей максимальной сферой интересов Советский Союз может считать Финляндию, Швецию, Польшу, Венгрию, Чехословакию, Румынию, славянские страны Балканского полуострова, а равно и Турцию... Такое разграничение означает, что Англия должна обязаться не вступать в какие-либо особо близкие отношения и не заключать против нашей воли каких-либо соглашений со странами, входящими в нашу сферу безопасности, и, само собой, не должна добиваться там военных баз, ни морских, ни воздушных. Такие же обязательства мы можем дать в отношении английской сферы безопасности, за исключение Франции»²². Тем самым предлагалось проецировать советскую мощь на прилегающую сферу интересов.

Мне представляется, что сама идея подобного соглашения сформировалась в результате визита У. Черчилля в Москву в октябре 1944 года и его «процентной сделки» со Сталиным о разделе сфер влияния в Юго-Восточной Европе. В результате дискуссий И. Сталина с У. Черчиллем и В. Молотовым с А. Иденом было достигнуто соглашение, по которому влияние двух стран в Венгрии и Югославии предусматривалось в соотношении 50%:50%, в Греции — 90%:10% в пользу Великобритании, а в Румынии и Болгарии — 80%:20% в пользу СССР. Следует отметить, что инициатором этого соглашения был У. Черчилль. Впоследствии он отмечал, что ему всегда удавалось находить основу для договоренностей и «достигать соглашений с товарищем Сталиным, причем эти соглашения не только достигались, но и взаимно выполнялись»²³. Действительно, некоторое время Сталин исходил из того, что Греция входила в британскую сферу влияния, а в Венгрии и в Югославии действовал весьма осторожно. Договоренности с советским диктатором были возможны на основе учета интересов Кремля и реального соотношения сил.

В любых концептуальных построениях центральным звеном в этом приграничном поясе безопасности СССР оставалась Польша. В записке И. Майского от 11 января 1944 г. о Польше говорилось: «Целью СССР должно быть **создание независимой и жизнеспособной Польши, однако мы не заинтересованы в нарождении слишком большой и слишком сильной Польши**. В прошлом Польша почти всегда была врагом России, станет ли будущая Польша действительным другом СССР (по крайней мере, на протяжении жизни ближайшего поколения), никто с определенностью сказать не может. Многие в этом сомневаются, и справедливость требует сказать, что для таких сомнений имеются достаточные основания»²⁴. Не случайно Сталин очень внимательно следил за информацией о политическом положении в Польше, активно участвовал в дискуссиях по польскому вопросу.

Во время Ялтинской конференции глава советского правительства подчеркнул, «что с Польшей связаны важнейшие стратегические интересы Советского государства. Дело не только в том, что Польша — пограничная с нами страна. Это, конечно, имеет значение, но суть проблемы гораздо глубже. На протяжении истории Польша всегда была коридором, через который проходил враг, нападающий на Россию. Достаточно вспомнить, хотя бы последние тридцать лет: в течение этого периода немцы два раза прошли через Польшу, чтобы атаковать нашу страну. Почему враги до сих пор так легко проходили через Польшу? Прежде всего потому, что Польша была слаба. Польский коридор не может быть закрыт механически извне только русскими силами. Он может быть надежно закрыт только изнутри собственными силами Польши. Для этого нужно, чтобы Польша была сильна. Вот почему Советский Союз заинтересован в создании мощной, свободной и независимой Польши. Вопрос о Польше — это вопрос жизни и смерти для Советского государства»²⁵. Потому-то Сталин прилагал максимум усилий, чтобы поставить у власти в Польше просоветское правительство, чтобы включить страну в сферу влияния СССР, чтобы максимально сдвинуть границы Польши на запад.

Участники Ялтинской конференции вели напряженные дискуссии по вопросу о польском правительстве. К тому времени существовало два польских правительства: одно — просоветское, в Варшаве, другое — прозападное, в эмиграции, в Лондоне. Упорные дискуссии в Ялте завершились принятием следующего компромиссного решения: «Действующее ныне в Польше Временное правительство должно быть поэтому реорганизовано на более широкой демократической базе с включение демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы. Это новое правительство должно затем называться Польским Временным Правительством Национального Единства»²⁶.

В зарубежной литературе и публицистике решения Ялты часто подвергаются острой критике. Многие авторы утверждают, что Рузвельт и Черчилль «предали» народы Восточной Европы, пошли на невыгодный раздел сфер влияния со Сталиным. Но что могли сделать лидеры США и Великобритании? Пойти на силовое противостояние Сталину в Восточной Европе? Не надо забывать, что в дни Ялтинской конференции советские войска вели бои на Висле и Одере, а через два дня после окончания конференции штурмом взяли Будапешт. В то же время западные союзники еще даже не форсировали Рейн. Думается, что принятие в Ялте «Декларации об освобожденной Европе» было максимумом того, чего могли добиться Рузвельт и Черчилль. Известные французские историки Р. Жиро, Р. Франк и Ж. Тоби обоснованно утверждали: «Заклученные соглашения касались конкретных вопросов. Но тот факт, что три человека принимали важные решения в масштабах

планеты, породил два мифа. По крайней мере во Франции Ялту часто трактуют как синоним раздела мира или хотя бы Европы между Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем. Для большинства американцев это также конференция больших опасных уступок, на которые наивный и ослабленный Рузвельт (он действительно был очень болен) пошел в отношении хитрого и решительного Сталина. В действительности Ялта, проходившая в совершенно особом контексте, не стала общим соглашением по всем мировым вопросам, но привела к заключению конкретных соглашений по вопросам, уже находившимся в процессе урегулирования. При этом каждый из участников конференции получил свои собственные выигрыши и преимущества»²⁷.

Реализация решения Ялты о Польше стало объектом острой политико-дипломатической борьбы между Кремлем и западными союзниками. СССР настаивал на ограниченной реорганизации Временного правительства, а США и Великобритания — на формировании нового коалиционного правительства.

Москва обладала громадным преимуществом в виде военно-политического контроля польской территории, на которой находились части Красной Армии и органы НКВД. Советское руководство проводило двойственную политику в отношении Польши: с одной стороны, политико-дипломатические маневры на международной арене, с другой, репрессии против политических оппонентов и противников коммунистов в самой Польше²⁸. Ярким примером политических репрессий со стороны советских структур стал арест в марте 1945 г. шестнадцати политических и военных руководителей польского антигитлеровского подполья²⁹. Эти видные деятели были обвинены в организации вооруженных акций против Красной Армии.

Упорные дискуссии о формировании нового польского правительства завершились во время бесед советника президента США Г. Гопкинса с И. Сталиным в Москве в начале июня 1945 года³⁰. При этом «не-люблинские» поляки получили в новом правительстве только шесть мест из двадцати одного, а все ключевые силовые ведомства остались в руках сторонников Москвы. Известный американский историк Джон Гэддис отмечает: «Но соглашение Гопкинс–Сталин ни в коей мере не изменило баланс сил в Польше. Самое большее, что можно было сказать о новом правительстве в Варшаве, — это, как отметил журнал *Time*, «было то, что, формируя его, Россия только формально выполняла ялтинские обязательства и давала США и Великобритании возможность спасти лицо»³¹. Был сделан важный шаг к включению послевоенной Польши в советскую сферу влияния.

Что касается Финляндии, с которой Сталин хотел заключить пакт о взаимопомощи, то советское руководство проводило в отношении этой страны достаточно осторожную политику. Вопрос о будущей границе между СССР и Финляндией был легко ре-

шен на Тегеранской конференции «Большой тройки». Сталин изложил свои пожелания: «В наши условия мира с Финляндией входит восстановление действия советско-финского договора 1940 года. При этом мы готовы, если этого пожелают финны, отказаться от Ханко взамен возвращения нам района Петсамо»³². У Черчилль и Ф. Рузвельт не возражали.

После поражения в войне Финляндия сохранила независимость, рыночную экономику, демократический политический режим западного типа. Москва пошла на смягчение режима перемирия в Финляндией с 1 мая 1946 года. СССР активно участвовал в подготовке и заключении мирного договора с Финляндией³³. Вместе с тем СССР оказывал энергичный нажим на руководителей Финляндии, чтобы усилить их зависимость от Москвы. В директивах Политбюро ЦК ВКП(б) вновь назначенному советскому посланнику в Финляндии от 13 января 1948 г. подчеркивалось: «Главная задача тов. Савоненкова заключается в том, чтобы обеспечить поворот Финляндии в сторону сближения с СССР»³⁴. Советский нажим привел к подписанию 6 апреля 1948 года Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Финляндией. Этот договор закрепил включение Финляндии в советскую сферу влияния. Свобода действий страны во внешней политике была заметно ограничена; курс Хельсинки в отношении СССР означал что-то среднее между доброжелательным нейтралитетом и полноценным военным союзом³⁵.

Советское руководство прилагало энергичные усилия для консолидации сферы влияния СССР. Этот аспект занимал важное место в деятельности советской делегации в Потсдаме. В ходе беседы Молотова с Димитровым 6 августа 1945 г. нарком так оценил решения Потсдама по Болгарии и по Балканам: «В основном эти решения выгодны нам. Фактически признается за нами эта сфера влияния»³⁶.

Потсдам стал важным этапом в утверждении советского влияния в Болгарии и Румынии. Однако западные державы добивались реорганизации правительств этих двух стран с целью ослабить в них влияние коммунистов и просоветских деятелей.

Москва осуществляла массированный нажим на короля Румынии и на руководителей этой страны, чтобы расширить участие коммунистов в правительстве и обеспечить его просоветский характер. СССР использовал в этих целях три инструмента давления на Румынию: 1) Присутствие Красной Армии в Румынии. 2) Деятельность Союзной контрольной комиссии под советским председательством. 3) Румынские претензии на Северную Трансильванию. Советский дипломат А. И. Лаврентьев писал в секретной записке в конце 1944 г.: «Вопрос о передаче Северной Трансильвании должен явиться важнейшим рычагом воздействия на румынское правительство не только в области выполнения экономических обязательств по Соглашению о перемирии, но и в области проведения им внутренней и внешней политики»³⁷.

Правительственный кризис в конце февраля — начале марта 1945 г. стал решающей фазой политической борьбы в Румынии. Не случайно в эти дни Бухарест посетил советский эмиссар А. Я. Вышинский. Он потребовал от короля Михая отправить правительство Радеску в отставку как неспособное, по утверждениям Вышинского, «обеспечить порядок в стране, являющейся тылом Красной Армии, и поощряющее преступную деятельность железнодорожников и других агентов Германии»³⁸. Советское руководство потребовало формирования румынского правительства, способного обеспечить в стране «порядок и спокойствие в интересах нашей общей борьбы против гитлеровской Германии»³⁹. Подобные аргументы трудно было оспаривать во время войны.

Советский нажим обеспечил формирование правительства, в котором коммунисты и их союзники заняли все ключевые посты. Один из лидеров прокоммунистического Национально-демократического фронта Петру Гроза возглавил новое правительство.

Роль Вышинского в формировании этого правительства Румынии обсуждалась во время беседы В. Молотова с государственным секретарем США Дж. Бирнсом 19 сентября 1945 года.

«Бирнс отвечает, что правительство США совершенно не интересуется отдельными группами или лицами. Все, что правительству США известно, — это то, что Гроза был назначен по требованию Вышинского, который заявил, что Гроза через 2,5 часа должен быть назначен премьером. Король позже говорил, что Гроза был назначен против его воли...»

Молотов ... Теперь Молотов хотел бы коснуться роли Вышинского. Молотов благодарен за то, что Бирнс так хорошо отозвался о Вышинском, он этого заслуживает, но Бирнс преувеличивает его роль в событиях в Румынии. Говоря так сказать «по секрету», он, Молотов, может сообщить Бирнсу, что Вышинский помогал образованию нового правительства, но если бы Советское правительство не вмешалось, то в Румынии возникла бы опасность беспорядков и опасность перерастания их в гражданскую войну. При такой обстановке Советское правительство не могло не помочь Румынскому правительству найти выход из положения»⁴⁰.

Противоборство между советским руководством, с одной стороны, правительствами США и Великобритании — с другой, относительно ситуации в Румынии и Болгарии было завершено на Московском совещании трех министров иностранных дел в декабре 1945 года. Румынское и болгарское правительство должны были быть реорганизованы с дополнительным включением в состав каждого двух министров, представляющих «демократические элементы». На практике этот компромисс оказался формальной уступкой советской стороны. Наиболее влиятельные деятели некоммунистической оппозиции были заранее исключены из списка кандидатов на министерские посты.

И. Сталин проинформировал лидера болгарских коммунистов Г. Димитрова по телефону 23 декабря 1945 г. о решении дополнительно включить двух представителей оппозиции в состав правительства. При этом Сталин отметил: «Тем не менее, чтобы обеспечить решение болгарского вопроса, подумайте, не могли бы вы включить одного–двух министров из оппозиционных кругов, оторвав их от оппозиции. Дайте им какие-нибудь незначительные министерства»⁴¹. Подобная ситуация наблюдалась и в Румынии. Известный американский историк Дж. Гэддис писал: «Сталинские уступки ни в коей мере не ослабили советское влияние в Восточной Европе — Джордж Кеннан удачно охарактеризовал их как «фиговые листки демократических процедур, призванные прикрыть наготу сталинистских диктатур»⁴².

В действительности политическое развитие Румынии, Болгарии и других стран Восточной Европы означало их постепенное включение в советскую сферу влияния.

Выступая «наследником» российских правителей, И. Сталин уделял большое внимание Балканам и зоне черноморских проливов.

Осуществляя политику наращивания советского влияния на Балканах, Сталин охотно использовал такой инструмент политики царизма, как славянофильство. В январе 1945 г. он говорил во время встречи на даче с делегациями Югославии и Болгарии: «Славянские народы не должны оказаться застигнутыми врасплох, когда снова на них попытаются напасть, а это в будущем вероятно и даже наверняка будет. Старое славянофильство выражало стремление царской России подчинить себе другие славянские народы. Наше славянофильство совсем другое — объединение славянских народов для общей защиты своего существования и будущего. Мы не хотим ничего навязывать другим славянским народам»⁴³. В действительности Сталин проводил политику объединения славянских народов под эгидой Кремля.

Морис Дежан писал в ноябре 1944 г. о Балканах: «Сегодня, как и вчера, претензии России на полуострове диктуются не столько соображениями безопасности или территориальной экспансии, сколько озабоченностями в отношении проливов... Понятие «безопасность Черного моря» призвано иметь следствием понятие «гегемония на его берегах и в соседствующих с ним странах». Итак, вся русская политика будет состоять в том, чтобы элиминировать в этом регионе влияние какой бы то ни было великой державы, способной поставить под вопрос господствующее положение, которое Россия оставляет за собой на Черном море, и тот контроль, который она стремится осуществлять в отношении проливов. Кроме того, Россия понимает, что элиминировать такое влияние — это лучший способ противостоять любым поворотам судьбы»⁴⁴.

Вопрос о режиме проливов И. Сталин поставил во время переговоров с У. Черчиллем в октябре

1944 г. в Москве — «Тов. Сталин говорит, что если речь идет о Турции, то он должен сказать, что по Конвенции в Монтре Турция имеет все права на проливы, в то время как Советский Союз очень мало имеет прав. По Конвенции в Монтре у советского Союза столько же прав, как и у японского императора. Он, тов. Сталин, считает, что необходимо обсудить вопрос о пересмотре Конвенции в Монтре, так как она совершенно не соответствует современной обстановке»⁴⁵. Перед отъездом Черчилля из Москвы Сталин еще раз напомнил ему про вопрос о проливах.

Стремясь расширить свое влияние в зоне проливов и в Средиземноморье, Москва интенсифицировала кампанию нажима на Турцию. Можно отметить устойчивую враждебность Сталина к Турции. Еще в ноябре 1940 г. он говорил в беседе с Г. Димитровым: «В отношении Турции мы требуем базы, чтобы проливы не могли быть использованы против нас... Мы выгоним турок в Азию. Какая это Турция? Там два миллиона грузин, полтора миллиона армян, один миллион курдов и т. д. Турок только 6–7 миллионов»⁴⁶. 19 марта 1945 г. советское правительство денонсировало советско-турецкий договор о дружбе и нейтралитете 1925 г. как не соответствующий новой международной обстановке и нуждающийся в улучшениях. В ходе переговоров с турецким послом в июне 1945 г. нарком В. Молотов требовал изменения линии турецкой границы в пользу советских республик — Грузии и Армении, а также предоставления Советскому Союзу военно-морской базы в зоне проливов. В Потсдаме Сталин и Молотов подтвердили советские претензии на области Карса, Артвина и Ардагана, отошедшие к Турции в 1921 году. Советские руководители требовали также, чтобы вопросы режима черноморских проливов решались только Советским Союзом и Турцией. При этом В. Молотов ссылался на договоры между Турцией и Россией XIX века⁴⁷.

В последующие месяцы советское руководство развернуло энергичную кампанию нажима на Турцию. Позднее В. Молотов признавал: «Я ставил вопрос о контроле над проливами со стороны нас и Турции. Считаю, что эта постановка вопроса была не вполне правильной, но я должен был выполнять то, что мне поручили. Я поставил этот вопрос в 1945 г., после окончания войны. Проливы должны быть под охраной Советского Союза и Турции. Это было несвоевременное, неосуществимое дело... Хорошо, что вовремя отступили, а так бы это привело к совместной против нас агрессии»⁴⁸.

Осенью 1945 г. сталинское руководство усилило также нажим на Иран. Оно отказывалось вывести советские войска с территории Северного Ирана в предусмотренные сроки (шесть месяцев после окончания войны). При этом оно добивалось нефтяной концессии на севере Ирана, поддерживало требования широкой автономии иранского Азербайджана⁴⁹.

Однако жесткая позиция США и Великобритании в сочетании с тактическими уступками со стороны иранского руководства заставили Сталина отступить.

Советское руководство выдвигало также широкомасштабные требования в ходе подготовки мирного договора с Италией. Советские руководители ставили перед союзниками вопрос о возможной советской опеке над бывшими итальянскими колониями. Во время беседы посла СССР в США А. А. Громыко с американским государственным секретарем Дж. Бирнсом советский дипломат напомнил советское предложение «о получении нами под опеку определенных территорий в будущем». Бирнс спросил, имеются ли в виду какие-либо определенные владения, принадлежавшие вражеским государствам. В ответ Громыко «указал, как на пример, на итальянские владения в Африке и в Средиземном море»⁵⁰. Переговоры по этому вопросу были продолжены. В. Молотов впоследствии вспоминал: «Понадобилась нам после войны Ливия. Сталин говорит: «Давай, нажимай!». ... В том-то и дело, что аргументировать было очень трудно. На одном из совещаний министров иностранных дел я заявил, что в Ливии возникло национально-освободительное движение. Но оно пока еще слабенькое, мы хотим поддержать его и построить там свою военную базу. Бевину стало плохо. Ему даже укол делали. Пришлось отказаться. ... Обосновывать очень трудно было»⁵¹.

Директивы политбюро ЦК ВКП(б) советской делегации на совещании заместителей министров в Совете министров иностранных дел в Лондоне, утвержденные 7 января 1946 г., предписывали:

«а) При обсуждении вопроса об итальянских колониях в качестве первой позиции отстаивать установление *индивидуальной* опеки и предоставление Советскому Союзу опеки над Триполитанией (часть современной Ливии. — М. Н.) на срок в 10 лет.

В качестве второй позиции советская делегация должна согласиться с предложением об установлении *коллективной* опеки пяти держав: США, СССР, Великобритании, Франции и Италии, предусмотрев при этом, что для каждой территории будет назначен консультативный совет, а также администратор, подотчетный Совету по опеке Объединенных Наций. Обеспечить, чтобы на одной из территорий (в Триполитании или Киренаике) пост администратора был предоставлен Советскому Союзу.

Свое согласие на установление коллективной опеки советская делегация должна поставить в зависимости от предоставления Советскому Союзу небольшой базы для торгового и военного флота в одном из портов Триполитании и Киренаики.

б) Решение вопроса о дальнейшей судьбе итальянских колоний должно приниматься одновременно с решением вопроса о Додеканезе.

Советская делегация должна обеспечить, чтобы в предварительных переговорах с греками было обусловлено, что согласие на передачу островов До-

деканез Греции может быть дано, если Советскому Союзу будет предоставлена на условиях аренды база для торговых кораблей на одном из Додеканезских островов (предпочтительно на о. Родос, на о. Стампакия или Скорпанто)»⁵².

Тем самым Советский Союз стремился добиться баз и плацдармов в Средиземноморье, узаконить свое присутствие в этом регионе. Нарком В. Молотов в телеграмме советскому послу в Риме от 5 февраля 1946 г. просил разъяснить лидеру итальянских коммунистов П. Тольятти: «Цель нашего предложения в том, чтобы Советский Союз получил возможность вклиниться в Средиземное море, где Англия пытается занять чуть ли не монопольное положение против интересов других средиземноморских государств. Если Советский Союз вклинится в Средиземное море и войдет в соприкосновение с Италией, это только будет полезно демократической Италии»⁵³.

Однако добиться баз в зоне проливов, на Додеканезских островах, в Триполитании или Киренаике, распространить свое влияние на Средиземноморье и Ближний Восток Советскому Союзу не удалось.

Рассмотрение советской политики во время Второй мировой войны показывает приоритетность геополитических соображений для Кремля. Сталин последовательно выступал за присоединение к СССР новых территорий с соответствующим изменением границ, за создание советской сферы влияния по всему периметру границ страны в Европе. При этом в 1939–1941 г. соответствующие изменения советских границ осуществлялись в сотрудничестве с нацистской Германией, а в 1941–1945 г. — в сотрудничестве с союзниками по Антигитлеровской коалиции. Сталин максимально использовал военнополитическую обстановку для достижения выгодных договоренностей с партнерами. В 1941–1945 г. советское руководство отстояло возврат к границам СССР на июнь 1941 г. и даже добилось некоторых новых территориальных приобретений: район Петсамо, Кенигсберг с прилегающей территорией, Закарпатская Украина плюс возвращение Японией Южного Сахалина и передача Советскому Союзу Курильских островов. Советский Союз сумел создать собственную сферу влияния, над которой был установлен жесткий контроль. При этом, по моему мнению, вряд ли можно говорить о *разделе* сфер влияния между СССР и западными державами во главе с США и Великобританией. Скорее можно говорить о *выделении* сферы влияния СССР по периметру его границ, в то время как большая часть регионов и территорий рассматривалась как сфера влияния Запада. Сталинскому руководству не удалось распространить влияние Советского Союза на зону проливов, в Средиземноморье, на Ближний и Средний Восток. Мне представляется, что наряду с действиями западных держав, направленными на изоляцию СССР в послевоенном мире, советские устремления по названным направлениям стали одной из причин нарастания

международной напряженности вскоре после окончания Второй мировой войны и фактором возникновения «холодной войны».

Следует также отметить жесткие методы, которые использовал И. Сталин для закрепления советского господства в Восточной Европе. Опорой его политики стали силы Красной Армии, совет-

ские органы Наркомата внутренних дел и местные компартии, руководство которых последовательно ориентировалось на Москву. Установление просоветских режимов, во многом копировавших тоталитарную модель сталинского СССР, предвещало напряжения и кризисы в странах Восточной и Юго-Восточной Европы.

¹ Г. Димитров Дневник (9 март 1933 — 6 февруари 1949). София, 1997, стр. 128–129.

² Там же, стр. 188.

³ См.: V. Zubok, C. Pleshakov. Inside the Kremlin's Cold War. From Stalin to Krushchev. Cambridge, Massachusetts, 1996, p. 37–38.

⁴ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. Москва, 1991, стр. 78.

⁵ Запись беседы И. Сталина с А. Иденом, 16.12.1941 — Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942. Том XXIV. Москва, 2000, стр. 503.

⁶ Записка И.М. Майского «О желательных основах будущего мира» от 11 января 1944 г. — «Источник», 1995, № 4, стр. 137.

⁷ M. Dejean. Note sur la politique soviétique, 13.10.1943. — Ministère des affaires étrangères. Archives diplomatiques. Papiers Maurice Dejean. Vol. 74, f. 128.

⁸ Запись беседы И.В. Сталина с А. Иденом, 17.12.1941 — Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942. Том XXIV, стр.520.

⁹ Запись беседы И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом, 01.12.1943. — Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). Москва, 1978, стр. 168–169.

¹⁰ Запись беседы И.В. Сталина с А. Иденом, 17.12.1941 — Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942. Том XXIV, стр.519.

¹¹ Запись беседы В. Молотова с А. Иденом, 21.05.1942. — О.А. Ржешевский. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии, 1941–1945. Москва, 2004, стр. 108.

¹² Запись заседания глав правительств, 06.02.1945. — Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). Сборник документов. Москва, 1984, с. 93.

¹³ Заседание за круглым столом, 01.12.1943. — Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). Москва, 1978, стр. 165.

¹⁴ Телеграмма из Москвы, 24 мая 1942 года — О.А. Ржешевский. Сталин и Черчилль, стр. 157.

¹⁵ Записка И.М. Майского «О желательных основах будущего мира» от 11 января 1944 г. — «Источник», 1995, № 4, стр. 125.

¹⁶ Заседание за круглым столом, 01.12.1943. — Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). Сборник документов, стр. 167.

¹⁷ Письмо наркома Н.Г. Кузнецова заместителю наркома М.М. Литвинову, 10.10.1944 — СССР и германский вопрос. Документы из Архива внешней политики РФ. Том 1: 22 июня 1941 — 8 мая 1945. Москва, 1996, стр. 559–560.

¹⁸ Запись беседы В. Молотова с У. Черчиллем, 21 мая 1942 — О.А. Ржешевский. Сталин и Черчилль, стр. 105.

¹⁹ Запись беседы И.В. Сталина с А. Иденом, 16.12.1941 — Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942. Том XXIV, стр. 503.

²⁰ Записка И.М. Майского «О желательных основах будущего мира» от 11 января 1944 г. — «Источник», 1995, № 4, стр. 125–126.

²¹ M. Dejean. Note sur la politique soviétique, 15.10.1943. — Ministère des affaires étrangères. Archives diplomatiques. Papiers Maurice Dejean. Vol. 37, f. 72–73.

²² Цит. по: А. М. Филитов. В комиссиях Наркоминдела — Вторая мировая война. Актуальные проблемы. Отв. ред. О.А. Ржешевский. Москва, 1995, стр. 59.

²³ О. А. Ржешевский. Сталин и Черчилль, стр. 435.

²⁴ Записка И.М. Майского «О желательных основах будущего мира» от 11 января 1944 г. — «Источник», 1995, № 4, стр. 129.

²⁵ Запись заседания глав правительств, 06.02.1945. — Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). Сборник документов, стр. 92–93.

²⁶ Коммюнике о конференции руководителей трех союзных держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании в Крыму — Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). Сборник документов, стр. 260.

²⁷ R. Girault, R. Frank, J. Thobie. La loi des géants 1941–1964. Paris, 1993, p. 71–72.

²⁸ См.: У истоков «социалистического дружества»: СССР и восточноевропейские страны в 1944–1949 гг. Отв. ред. Л. Я. Гибианский. Москва, 1995.

- ²⁹ См.: E. Duraczynski. *General Iwanow Zaprasza: Przywódcy podziemnego państwa przed sądem moskiewskim*. Warszawa, 1989.
- ³⁰ См.: В. О. Печатнов. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. Документальные очерки. Москва, 2006, стр. 333–334.
- ³¹ J. L. Gaddis. *The United States and the Origins of the Cold War, 1941–1947*. New York, 1972, p. 235.
- ³² Запись третьего заседания глав правительств, 30.11.1943. — Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). Сборник документов, стр. 161.
- ³³ См.: *Finnish-Soviet Relations 1944–1948*. Ed. by Jukka Nevakivi. University of Helsinki, 1994.
- ³⁴ Директивы для посланника СССР в Финляндии, 13.01.1948 — Российский государственный архив социально-политической истории. Фонд 3, опись 74, дело 38, лист 11.
- ³⁵ См.: М. Korobochkin. *The USSR and the Treaty of Friendship, Cooperation and Mutual Assistance with Finland-Finnish-Soviet Relations 1944–1948*. Ed. by Jukka Nevakivi, p. 169.
- ³⁶ Г. Димитров. Дневник (9 март 1933 — 6 февруари 1949). София, 1997, стр. 492.
- ³⁷ Три визита А. Я. Вышинского в Бухарест (1944–1946 гг.). Документы российских архивов. Москва, РОССПЭН, 1998, стр. 10.
- ³⁸ Телефограмма А. Я. Вышинского В. М. Молотову, 28.02.1945 — Три визита А. Я. Вышинского в Бухарест (1944–1946 гг.). Документы российских архивов, стр. 99.
- ³⁹ Телефограмма А. Я. Вышинского В. М. Молотову, 05.03.1945 — Три визита А. Я. Вышинского в Бухарест (1944–1946 гг.). Документы российских архивов. стр. 111.
- ⁴⁰ Запись беседы В. М. Молотова с Д. Ф. Бирнсом о положении в Румынии, 19 сентября 1945 г. — Советско-американские отношения 1945–1948. Документы. Москва, 2004, стр. 31–32.
- ⁴¹ Г. Димитров. Дневник (9 март 1933 — 6 февруари 1949), стр. 518.
- ⁴² J. L. Gaddis. *The United States and the Origins of the Cold War, 1941–1947*, p. 280.
- ⁴³ Г. Димитров. Дневник (9 март 1933 — 6 февруари 1949), стр. 464.
- ⁴⁴ M. Dejean. *URSS, détroits et Balkans*, 22.11.1944. — Ministère des affaires étrangères. Archives diplomatiques. Papiers Maurice Dejean. Vol. 64, f.5.
- ⁴⁵ Запись беседы тов. И. В. Сталина с У. Черчиллем 9 октября 1944 года в 22 часа — О. А. Ржешевский. Сталин и Черчилль, стр. 423.
- ⁴⁶ Г. Димитров. Дневник (9 март 1933 — 6 февруари 1949), стр. 203.
- ⁴⁷ Запись шестого заседания глав правительств, 22 июля 1945 года — Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.). Сборник документов. Москва, 1980, стр. 145–146.
- ⁴⁸ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. Москва, 1991, стр. 102–103.
- ⁴⁹ См.: Н. И. Егорова. «Иранский кризис» 1945–1946 гг. по рассекреченным архивным документам // «Новая и новейшая история», 1994, № 3.
- ⁵⁰ Запись беседы А. А. Громыко с Дж. Бирнсом по вопросу о неподпечных территориях, 20.07.1945 — Советско-американские отношения 1939–1945. Документы. Москва, 2004, стр. 725.
- ⁵¹ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. Москва, 1991, стр. 103.
- ⁵² Директивы советской делегации на совещании заместителей министров в Совете министров иностранных дел в Лондоне, 07. 01. 1946 — Архив Президента Российской Федерации. Фонд 3, опись 65, дело 284, лист 29.
- ⁵³ Телеграмма В. Молотова советскому послу в Риме, 05.02.1946 — Архив Президента Российской Федерации. Фонд 45, опись 1, дело 319, лист 1.